

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР
Рука судьбы

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР
Под стягом победным

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР
Последняя встреча

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф 79

Cecil Scott Forester

THE COMMODORE

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1945

HORNBLOWER AND HIS MAJESTY (short story)

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1940

LORD HORNBLOWER

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1946

HORNBLOWER IN THE WEST INDIES

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1958

THE LAST ENCOUNTER (short story)

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1967

HORNBLOWER AND THE CRISIS

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1967

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser
and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке

Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

- © Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод,
послесловие, 1994, 2018
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-21185-8

Коммодор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Капитан сэр Горацио Хорнблауэр сидел в ванне и с отвращением глядел на свои ноги. Они были худые, волосатые и напоминали ему о виденных в Центральной Америке пауках. Ни о чем, кроме ног, думать было невозможно: в нелепой ванне они только что не упирались в подбородок; они свешивались с одного края, а голова, руки и торс возвышались над другим. Вода покрывала только живот и ляжки. Трудно придумать более идиотский способ мытья. Хорнблауэр тщетно гнал досаду вместе с воспоминаниями о куда более удобных купаниях под корабельной помпой, о безотказно хлещущей из шланга бодрящей морской воде. Он схватил мыло, тряпку и принялся со злостью тереть возвышающиеся над водой части тела, немилосердно заливая дубовый паркет гардеробной. Лишние хлопоты для горничной — а Хорнблауэр был как раз в настроении доставлять хлопоты.

Он неуклюже встал, разбрызгивая воду, намылил и ополоснул туловище, потом кликнул Брауна. Тот мигом вышел из спальни, хотя хороший слуга угадал бы настроение хозяина и замешкался, давая повод сорвать на себе злость. Он набросил на плечи Хорнблауэру теплое полотенце, ловко придерживая края, чтобы те не намокли; Хорнблауэр вылез из мыльной воды и пошел через комнату, оставляя мокрые следы. Он вытерся и через открытую дверь угрюмо уставился на разложенную в спальне одежду.

— Чудесное утро, сэр, — сказал Браун.

— Заткнись, болван, — ответил Хорнблауэр.

Придется напяливать этот чертов синий костюм, лакированные туфли и золотую цепочку для часов. Костюм был новый, ненадеванный, но Хорнблауэр невзлюбил его еще на примерке, злился, когда жена им восхищалась, и, судя по всему, обречен

был со злобой носить его до скончания дней. Ненависть была двойная: поначалу слепая, нерассуждающая, а затем — осознанная, — ненависть к наряду, который ему не идет, в котором — Хорнблауэр был уверен — он выглядит смешно, когда мог бы выглядеть скромно. Он надел через голову льняную сорочку ценой в две гинеи, затем с огромным трудом натянул синие панталоны. Они обтягивали, как кожа, и только когда они были вполне надеты, а Браун застегнул на спине пояс, Хорнблауэр спохватился, что не надел чулки. Снимать штаны значило признать оплошность; осторожный совет Брауна был с ругательством отвергнут. Браун философски опустился на колени и принялся закатывать тугие штанины, однако без сколько-нибудь значительного результата; о том, чтобы подсунуть под них длинные чулки, не могло быть и речи.

— Обрежь к чертовой матери! — рявкнул Хорнблауэр.

Браун протестующе закатил глаза, но, увидев яростный взгляд хозяина, счел за лучшее не возражать. В дисциплинированном молчании Браун исполнил приказ. Ножницы нашлись на туалетном столике. Вжик-вжик-вжик! Обрезки упали на пол, Хорнблауэр сунул ноги в обкромсанные чулки и, когда Браун опустил штанины, впервые за это утро почувствовал себя вознагражденным. Пусть судьба ополчилась против него, он, черт возьми, покажет, что сам собою распоряжается. Он втиснул ноги в туфли и сдержал недовольное замечание по поводу их тесноты — вспомнил, как смалодушничал в модной обувной лавке и не приказал сделать туфли посвободнее, тем более что рядом, на страже требований моды, стояла жена.

Он проковылял к туалетному столику и повязал галстук, а Браун застегнул воротничок. Хорнблауэр повертел головой: дурацкая крахмальная полоска подпирала уши и тянула шею. Ему было чудовищно неудобно; он не сможет по-человечески вдохнуть, пока на нем эта идиотская удавка, введенная в моду Браммелом¹ и принцем-регентом. Он надел голубой, в розовый цветочек жилет и темно-синий сюртук с голубыми пуговицами; клапаны карманов, отвороты рукавов и лацка-

¹ *Джордж Брайан Браммел* (Бруммель) (1778–1840) — английский денди, друг принца-регента, законодатель мод, прославившийся эксцентричными выходами и мотовством. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ны — того же голубого цвета. Двадцать лет Хорнблауэр проходил в мундире, и то, что отражалось сейчас в зеркале, виделось его предвзятому взгляду неестественным, нелепым, смешным. Мундир — другое дело: никто не осудит офицера, если мундир ему не к лицу. Однако предполагается, что в цивильном платье человек — даже женатый — выказывает собственный вкус, над его выбором можно и посмеяться. Браун прицепил к золотой цепочке часы и затолкнул их в карман. Они некрасиво выпирали, но Хорнблауэр с яростью отбросил мысль выйти без часов ради красоты наряда. Он сунул в рукав льняной носовой платок, который Браун только что надушил. Теперь Хорнблауэр был готов.

— Прекрасный костюм, сэр, — сказал Браун.

— Дерьмо собачье, — ответил Хорнблауэр.

Он прошел через гардеробную и постучал в дальнюю дверь.

— Входи, — сказал голос жены.

Барбара еще сидела в ванне, ее ноги, как и его несколько минут назад, болтались снаружи.

— Ты просто загляденье, дорогой, — сказала Барбара. — Приятное разнообразие — видеть тебя без мундира.

Даже Барбара, лучшая из женщин, не свободна от досадного греха своего пола — одобрять новизну ради новизны; но ей Хорнблауэр ответил иначе, чем Брауну.

— Спасибо, — произнес он с наигранной благодарностью.

— Полотенце, Геба, — сказала Барбара.

Маленькая чернокожая горничная проскользнула вперед и укутала полотенцем вылезавшую из ванны хозяйку.

— Венера встает из вод, — галантно произнес Хорнблауэр. Он силился побороть неловкость, нападавшую на него всякий раз, когда он видел жену голой в присутствии другой женщины; хотя, разумеется, Геба всего-навсего служанка и к тому же цветная.

— Надо полагать, — говорила Барбара, пока Геба осторожно вытирала ее полотенцем, — в деревне уже прослышали о нашей чудной привычке ежедневно принимать ванну. Не берись вообразить, что по этому поводу говорят.

Хорнблауэр вполне мог вообразить; он сам когда-то был деревенским мальчишкой. Барбара сбросила полотенце и стояла нагишом, пока Геба надевала ей через голову шелковую сорочку.

Когда преграды отброшены, женщина теряет всякое чувство приличия, и Барбара в прозрачной сорочке выглядела еще более вызывающе, чем голая. Она села за туалетный столик и стала мазать лицо кремом, пока Геба расчесывала ей волосы; на столике теснилось множество флакончиков и баночек, и Барбара залезала в них по очереди, словно подбирая составляющие для колдовского зелья.

— Как замечательно, — продолжала Барбара, внимательно разглядывая свое отражение, — что погода исправилась. Для сегодняшней церемонии солнечное утро как нельзя кстати.

Мысль о церемонии не отпускала Хорнблауэра с самого пробуждения; не то чтобы она его пугала, скорее ему было слегка не по себе. Встреча с арендаторами ознаменует начало новой жизни, а он не был уверен, что эта жизнь придется ему по вкусу. Барбара изучала свое лицо в зеркале.

— Приветствуем нового сквайра Смолбриджа, — сказала она, с улыбкой оборачиваясь к Хорнблауэру.

Улыбка преобразила не только ее лицо, но и все настроение ее мужа. Барбара перестала быть знатной дамой, графской дочерью и белой косточкой, чья уверенная манера держаться часто вгоняла Хорнблауэра в унижительную робость; теперь это была женщина, которая стояла рядом с ним на изуродованной ядрами палубе «Лидии», которая дрожала от страсти в его объятиях, верная возлюбленная и желанный друг. В эту секунду Хорнблауэр любил ее всеми силами души. Если бы не Геба, он бы обнял ее и поцеловал. Барбара читала его мысли. Она вновь улыбнулась, на сей раз чуть заговорщицки; это была секунда полного взаимопонимания, и у обоих потеплело на сердце.

Барбара натянула белые шелковые чулки и завязала под коленями красные, шелковые же подвязки. Геба стояла наготове с платьем, Барбара нырнула в него. Платье затрепетало, захлопало, и наконец Барбара высунулась из него, растрепанная, тряся руками в рукавах. Никто не может оставаться великосветской дамой в такую минуту, и Хорнблауэр любил ее сейчас как никогда. Геба расправила на хозяйке платье, накинула ей на плечи кружевную пелерину и принялась доканчивать прическу. Когда последняя шпилька была приколотая, последний локон уложен, Геба, скрючившись, с помощью рожка надела хозяйке

туфли. Барбара тщательно укрепила на голове шляпу с лентами и розами.

— Который час? — спросила она.

Хорнблауэр с трудом вытащил из узкого кармана часы:

— Девять.

— Замечательно. — Барбара взяла с туалетного столика длинные белые шелковые перчатки, доставленные из Парижа контрабандой. — Геба, мастер Ричард, должно быть, уже одет. Скажи кормилице, пусть несет его сюда. Думаю, дорогой, сейчас вполне уместна была бы лента со звездой.

— У моих собственных дверей? — возразил Хорнблауэр.

— Боюсь, что да, — ответила Барбара.

Она тряхнула пирамидой роз, и губы ее тронула даже не улыбка, а скорее озорная ухмылка. Нежелание надевать звезду испарилось, как не бывало. Это был молчаливый знак, что жена, в точности как он сам, не придает значения торжественному приему, который устраивает население Смолбриджа своему новому помещику. Так мог бы подмигнуть оракул.

У себя в спальне Хорнблауэр достал из комода красную ленту и звезду ордена Бани, а Браун подал ему перчатки. Их Хорнблауэр натягивал уже на лестнице. Перепуганная горничная торопливо сделала реверанс; в прихожей стоял дворецкий Уиггинз с высокой кастровой шляпой хозяина в руках, а за ним — Джон, лакей, в новой ливрее, которую выбрала Барбара. Сама Барбара вышла вслед за мужем, за ней шла кормилица с Ричардом на руках. Кудри у Ричарда были уложены и густо намажены. Кормилица поставила мальчика на пол, одернула его платице и кружевной воротник. Хорнблауэр торопливо взял Ричарда за руку, Барбара — за другую; Ричард еще не привык стоять, как все, и постоянно норовил опуститься на четвереньки, что никак не вязалось бы с торжественной обстановкой. Уиггинз с Джоном распахнули двери, и все трое — Хорнблауэр, Барбара и Ричард — вышли на крыльцо. В последнюю секунду Хорнблауэр вспомнил, что надо надеть шляпу.

Внизу выстроились, наверное, все обитатели Смолбриджа. По одну руку стоял приходский священник со стайкой детей, прямо перед крыльцом — четверо арендаторов в нескладных суконных костюмах и работники в куртках, по другую — женщины в передниках и чепцах. Позади детей высился трактирщик из

«Коня и кареты»; зажав подбородком скрипку, он провел смычком, священник сделал знак рукой, и детские голоса нестройно затянули:

Глядите, геро-о-ой наш с по-о-обедой грядет!
Гре-е-еми бара-а-абан, весели-и-ися народ!¹

Очевидно, имелся в виду Хорнблауэр, поэтому он снял шляпу и неловко замер; мелодия ничего не говорила его немзыкальному слуху, но кое-какие слова он разобрал. Хор допел, священник выступил вперед.

— Ваша милость, — начал он, — сэр Горацио. От имени селян горячо приветствую вас. Мы счастливы видеть сэра Горацио, увенчанного победными лаврами, добытыми в борьбе против корсиканского тирана. Мы счастливы видеть вашу милость, жену стоящего перед нами героя, сестру великого полководца, что возглавляет наши доблестные войска в Испании, дочь одного из знатнейших английских семейств. Добро пожаловать в Смолбридж!

— Дя! — неожиданно завопил Ричард. — Па!

Священник и бровью не повел; взяв разгон, он продолжал сыпать трескучими фразами, расписывая ликование Смолбриджа при вести о том, что деревня отныне принадлежит выдающемуся флотоводцу. Хорнблауэр слушал вполуха, больше занятый Ричардом: малыш явно норовил высвободить руку, встать на четвереньки и поползти знакомиться с сельской детворой. Хорнблауэр глядел на сочную зелень парка; дальше вставали отлогие холмы, а за деревьями виднелся шпиль деревенской церкви. В той же стороне радовал взоры цветущий фруктовый сад. Парк, сад и церковь — все принадлежало Хорнблауэру; он сквайр, помещик, владелец многих акров, и арендаторы его приветствуют. За ним — его дом и множество слуг, на груди — лента и звезда рыцарского ордена; в сейфах «Куттс и К°» хранятся золотые гинеи, тоже его. Это предел человеческих устремлений. Слава, богатство, обеспеченное будущее, любовь, сын — у него есть все, о чем можно мечтать. Хорнблауэр, стоя на крыльце, слушал разглагольствования пастора и дивился, что

¹ Этот гимнический хор юношей и девушек из оратории Генделя «Иуда Маккавей» был чрезвычайно популярен в Англии.

не чувствует себя счастливым. В груди закипала злость. Его должно распирать от радости, гордости и счастья, а он смотрит в будущее с тупым отчаянием — отчаянием, что будет жить здесь, — и положительным отвращением к предстоящим модным сезонам в Лондоне, которые не скрасит даже постоянное общество Барбары.

Беспорядочное течение его мыслей внезапно прервалось. Прозвучало что-то недолжное, а поскольку говорил только священник, он, видимо, это и произнес, хоть и продолжал вещать, не подозревая о своей оплошности. Хорнблауэр взглянул на Барбару — она на мгновение закусила нижнюю губу, явный признак раздражения для всякого, кто хорошо ее знает. Во всем остальном она оставалась безукоризненно спокойна, как и пристало английской аристократке. Что из сказанного ее расстроило? Хорнблауэр перебирал услышанные, но невоспринятые слова священника. Да, вот оно. Этот болван упомянул о Ричарде как об их общем ребенке. Барбару задевало, когда пасынка принимали за ее сына, и, что странно, тем болезненнее, чем сильнее она к нему привязывалась. Впрочем, трудно винить священника: когда супружеская чета приезжает с полуторогодовалым младенцем, вполне естественно предположить, что ребенок — их общий.

Священник замолк, наступила неловкая пауза. Явно ждали ответной речи, и сказать ее должен был новый хозяин поместья.

— Кхе-хм, — начал Хорнблауэр (короткий брак с Барбарой еще не вполне отучил его от этой привычки). Он судорожно придумывал, что сказать. Конечно, надо было подготовиться заранее; надо было не витать в облаках, а сочинять речь. — Кхе-хм. С гордостьюзираю я на эту английскую местность...

Он сумел сказать все необходимое. Корсиканский тиран. Доблестный английский народ. Король и принц-регент. Леди Барбара. Ричард. Когда он закончил, наступила новая неловкая пауза. Слушатели перешептывались, наконец один из арендаторов выступил вперед:

— Трижды ура ейной милости!

Все грянули «ура», Ричард с испугу заревел.

— Трижды ура сэру Горацио! Гип-гип-ура!

Теперь оставалось только с достоинством удалиться и дать арендаторам время разойтись. Хорошо хоть, все позади. Джон,

лакей, стоял в прихожей, полагая, что изображает стойку смиренного. Хорнблауэр про себя отметил научить его, чтобы прижимал локти к туловищу. Коли уж он держит лакея, то вымуштрует его. Подбежала кормилица и наклонилась пощупать, сильно ли Ричард обмочился. Стремительно вошел дворецкий с письмом на подносе. Хорнблауэр взглянул на печать. Кровь прихлынула к лицу: печать и толстый полотняный пакет могли быть только из Адмиралтейства. Он не получал адмиралтейских писем несколько месяцев, показавшихся ему годами. Хорнблауэр схватил письмо и каким-то чудом вспомнил бросить на Барбару извиняющийся взгляд, прежде чем сломать печать и прочесть:

Адмиралтейский совет

Уайтхолл

10 апреля 1812 г.

Сэр!

Я уполномочен их сиятельствами членами Адмиралтейского совета известить Вашу милость, что их сиятельства желали бы незамедлительно призвать Вас на действительную службу в звании коммодора с капитаном под Вашим началом, каковое звание полагают приличным Вашей выслуге лет и отличиям. Вам предписывается незамедлительно известить их сиятельства через меня, принимаете ли Вы предложение; в случае же Вашего согласия — лично явиться для получения указаний к их сиятельствам, а также к тем министрам, с каковыми Вам будет необходимо иметь беседу.

Ваш покорный слуга,

Э. Непин, секретарь

Адмиралтейского совета

Хорнблауэру пришлось дважды перечитать письмо — с первого раза он ровным счетом ничего не понял. Только после второго прочтения перед ним забрезжил грандиозный смысл послания. Первое, что он понял, — жизни в Смолбридже и на Бонд-стрит пришел конец. Он волен купаться под помпой, а не в дурацкой лоханке, которая едва вмещает ковшик воды, ходить по собственной палубе, дышать морским воздухом, снять эти дурацкие узкие панталоны и никогда больше не надевать, не принимать

депутаций, не беседовать с чертовыми арендаторами, не нюхать свинарников и не трястись на лошади. Мало того, ему предлагают звание коммодора — коммодора 1-го класса с капитаном под началом, то есть почти адмирала. В честь него поднимут брейд-вымпел и будут палить пушки — не то чтобы это имело значение, но все это внешние знаки оказанного ему доверия, заслуженного продвижения по служебной лестнице. Луис из Адмиралтейства высоко оценил его заслуги, коли назначает его коммодором в обход старших капитанов. Конечно, слова «полагают приличным Вашей выслуге лет и отличиям» не более чем вежливая формула, которая позволит Адмиралтейству оставить его на половинном жалованье, буде он откажется, но вот последние слова, касательно беседы с министрами, невероятно значительны. Значит, ему поручают ответственное дело международного значения. Возбуждение накатывало на него волнами.

Хорнблауэр вытащил часы. Четверть одиннадцатого — по штатским меркам еще утро.

— Где Браун? — бросил он Уиггину.

Браун возник как по волшебству, — впрочем, не стоило особо удивляться, весть об адмиралтейском письме наверняка успела облететь дом.

— Мой лучший мундир и шпагу. Вели заложить брочку. Поедешь со мной кучером. Собери мне все для ночлега — и себе тоже.

Слуги опрометью бросились во все стороны, понимая, что исполняют не только приказ хозяина, но государственное дело, которое требует особого рвения. Так что, когда Хорнблауэр вышел из задумчивости, рядом с ним оставалась одна Барбара.

Господи, он в волнении позабыл про нее, и она это поняла. Она сникла, уголок рта опустился. Глаза их встретились, уголок рта пошел вверх, но лишь на секунду.

— Это из Адмиралтейства, — сказал Хорнблауэр смущенно. — Меня назначают коммодором и дают мне капитана.

Какая жалость, что Хорнблауэр видел: радость ее вымучена.

— Это большая честь, — ответила она, — и ты вполне заслужил ее, милый. Ты должен радоваться, и я тоже.

— Мы разлучаемся, — сказал Хорнблауэр.

— Милый, мы пробыли вместе полгода. Ты дал мне шесть месяцев счастья, какого не заслужила ни одна женщина. И ты вернешься.

— Конечно вернусь, — ответил Хорнблауэр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Погода была обычная апрельская. Во время утренней церемонии перед господским домом солнце светило вовсю, однако уже по пути в Лондон они попали под ливень. Потом вновь выглянуло солнце, согрело и обсушило их, но сейчас, когда бричка ехала через Уимблдонский луг, небо опять почернело и на лица упали первые капли дождя. Хорнблауэр плотнее укутался в плащ и застегнул ворот. Треуголка с золотым позументом лежала у него на коленях, надежно укрытая плащом; в дождь треуголки набирают целые озера воды и теряют форму.

Вот и налетел ветер с дождем, свистящий западный ветер, и хорошей погоды как не бывало. Лево́й лошади пришлось хуже других, и она попыталась сбавить шаг. Браун хватил ее кнутом по блестящему боку, и у нее сразу прибавилось прыти. Браун — отличный кучер; все, за что бы он ни взялся, спорится у него в руках. Он был лучшим на памяти Хорнблауэра старшиной капитанской гички, верным помощником в бегстве из Франции и сумел стать камердинером, о каком можно только мечтать. Теперь он сидел рядом, безучастный к проливному дождю, и сжимал в большой загорелой горсти скользкие вожжи; кулак, запястье и локоть, словно пружина, обеспечивали то легкое давление удил на лошадиный рот, которое, с одной стороны, не мешает лошадям, с другой — придает им уверенности на размокшей дороге и в случае внезапной опасности позволяет сразу остановить их или повернуть. Они тащили коляску через грязь и слякоть по крутому склону Уимблдонского луга с рвением, какого Хорнблауэр никогда не замечал у них по отношению к себе.

— Хочешь снова оказаться в море, Браун? — спросил Хорнблауэр. Судя по тому, что он задал этот ненужный вопрос, он все еще был немного сам не свой от волнения.

— Еще как, сэ́р, — коротко отвечал Браун.

Оставалось гадать: то ли лаконичность Брауна — типично английская манера скрывать искреннее нетерпение, то ли камердинер просто вежливо угождает хозяйскому настроению.

Дождь с намокших волос затекал под воротник. Надо было захватить зюйдвестку. Хорнблауэр сгорбился на обитом кожей сиденье. Руки он держал на рукояти шпаги ценою в сто гиней — подарка Патриотического фонда. Поставив шпагу стоймя и держа на рукояти ладони, он поддерживал намокший плащ, чтобы тот не касался лежащей на коленях треуголки. Новый ручеек воды пробежал по шее. Хорнблауэр поежился. К тому времени как дождь перестал, он окончательно промок, зато солнце вновь радостно сияло. Капли воды на утеснике и ежевике лучились самоцветами; от лошадиных тел шел пар, в небе над головой запели жаворонки, Хорнблауэр распахнул плащ, вытер мокрые волосы и шею носовым платком. На гребне холма перед крутым спуском Браун для отдыха пустил лошадей шагом.

— Лондон, сэра, — сказал он.

И впрямь. Дождь прибил копоть и пыль, так что издалека был виден сверкающий на солнце золотой крест над куполом Святого Павла. Острые шпили, крошечные по сравнению с громадой купола, вырисовывались неестественно четко. Видны были даже крыши домов. Браун щелкнул языком, лошади вновь побежали рысью, коляска, раскачиваясь, покатила под уклон к Уондсворту. Хорнблауэр вытащил часы. Начало третьего, времени еще вдоволь. Хотя рубашка под мундиром вымокла насквозь, день выдался куда приятнее, чем можно было ожидать, сидя в ванне.

Браун остановил лошадей перед Адмиралтейством, уличный мальчишка загородил собой колесо, чтобы Хорнблауэр, вылезая из коляски, не испачкал плащ и мундир.

— Жди меня в «Золотом кресте», Браун, — сказал Хорнблауэр, ища в кармане монетку для оборванца.

— Есть, сэра, — отвечал Браун, поворачивая лошадей.

Хорнблауэр надел треуголку, огладил сюртук и поправил пряжку на перевязи. В Смолбридже он сэра Горацио, домовладелец, помещик, царь и бог, но здесь он всего лишь капитан Хорнблауэр в ожидании приема. Однако адмирал Луис был сама сердечность. Он продержал Хорнблауэра в приемной не больше

трех минут — ровно столько, сколько надо, чтобы выпроводить предыдущего посетителя, — от души пожал будущему коммодору руку, тут же позвонил клерку, чтобы тот унес мокрый плащ, и собственноручно подвинул стул к большому камину, где с его возвращения из Ост-Индии зимой и летом горел огонь.

— Надеюсь, леди Барбара в добром здравии? — спросил он.

— Да, благодарю, сэр, — сказал Хорнблауэр.

— И Хорнблауэр-младший?

— Да, тоже, сэр.

Хорнблауэр быстро поборол робость. Он сел поглубже, радуясь теплу камина. На стене напротив он заметил новый портрет Коллингвуда, сменивший портрет лорда Бархэма¹. Приятно было перевести взгляд с написанной маслом орденской ленты на собственную грудь и подумать, что носишь те же знаки отличия.

— И все же вы бросили прелести домашней жизни в ту же минуту, как получили наше письмо?

— Разумеется, сэр.

Возможно, меньше искренности принесло бы больше пользы; вероятно, стоило притвориться, будто он покоряется долгу, приносит жертву на алтарь отечества. Однако Хорнблауэр не мог бы сейчас слукавить, хоть убей. Он искренно радовался повышению и горячо желал знать, что намерено поручить ему Адмиралтейство. Зоркие глаза Луиса внимательно исследовали его лицо, и он честно встретил их взгляд.

— Куда вы думаете меня послать, сэр? — спросил он, не в силах более дожидаться, когда Луис сделает первый шаг.

— В Балтику, — отвечал адмирал.

Вот оно что. Два слова положили конец многим часам лихорадочных умозаключений. Его могли послать куда угодно: на Яву или на Ямайку, к мысу Доброй Надежды или к мысу Горн, в Индийский океан или в Средиземное море — в любую точку в пределах окружности радиусом в двадцать пять тысяч миль, над которой реет британский флаг. Значит, Балтика. Хорнблауэр пытался припомнить, что о ней знает. Последний раз он был в северных водах младшим лейтенантом.

¹ *Чарльз Миддлтон, 1-й барон Бархэм (1726–1813)* — британский морской офицер и политик, первый лорд Адмиралтейства в 1805–1806 гг. Помимо службы в королевском флоте знаменит борьбой за отмену рабства.

— Если не ошибаюсь, там командует адмирал Китс?¹

— Сейчас да, но вскорости его сменит Сомарес². Он получит указания предоставить вам широчайшую свободу действий.

Странные слова. Намекают на двоеначалие, а это, безусловно, плохо. Лучше один дурной командир, чем два хороших. Сказать подчиненному, что начальнику предписано разрешить ему действовать по-своему, — опасно, разве что этот подчиненный — человек в высшей степени разумный и ответственный. Тут Хорнблауэр сглотнул — он искренно позабыл, что речь идет о нем самом; быть может, Адмиралтейство как раз и считает его «в высшей степени ответственным и разумным».

Луис разглядывал его с любопытством.

— Вы не хотите узнать, какими силами будете командовать? — спросил он.

— Разумеется, хочу, — отвечал Хорнблауэр, хотя это было не так и важно. Главное, он вообще будет командовать какими-то силами.

— Вы получите «Несравненную», семьдесят четыре пушки, — сказал Луис, — в качестве основной силы, и всякую мелочь, какую мы смогли для вас наскрести: «Лотос» и «Ворон», шлюпы, два бомбардирских кеча — «Мотылек» и «Гарви», а также тендер «Моллюск». Пока все; может быть, к вашему отплытию еще что-нибудь подыщем. Будьте готовы к наземным операциям — их, похоже, вам предстоит немало.

— Надо полагать, — сказал Хорнблауэр.

— Не знаю, будете вы сражаться на стороне русских или против них, — задумчиво произнес адмирал. — То же касательно шведов. Бог весть что там затевается. Но об этом вам расскажет Их Важность.

Хорнблауэр взглянул непонимающе.

— Ваш многоуважаемый шурина, досточтимый маркиз Уэлсли, кавалер ордена Святого Патрика, его британского величе-

¹ *Сэр Ричард Годвин Китс* (1757–1834) — британский адмирал, впоследствии — губернатор Ньюфаундленда. В 1807–1809 гг. командовал эскадрой в Балтийском море.

² *Джеймс, барон де Сомарес* (Сумарес) (1757–1836) — британский морской офицер, прославившийся исключительным личным мужеством, командовал Балтийским флотом в звании вице-адмирала; до 1812 г. блокировал Россию, Данию и Швецию (впрочем, с огромным дипломатическим тактом, ибо видел в России и Швеции потенциальных союзников), с 1812 г. действовал совместно с Россией и Швецией.

ства государственный секретарь по иностранным делам, для краткости — Их Важность. Мы пройдем к нему через пару минут. Но прежде надо решить еще одно важное дело. Кого вы хотели бы взять капитаном?

У Хорнблауэра перехватило дыхание. Вот это возможность оказать протекцию! Ему случалось назначать мичманов и помощников судового врача; священник с сомнительным прошлым как-то запрашивался к нему в судовые капелланы, но решать вопрос о назначении капитана, да еще на линейный корабль, — это и впрямь случай облагодетельствовать кого-нибудь из знакомых. В списке сто двадцать капитанов младше его, все люди заслуженные, об их подвигах с замиранием голоса рассказывают по всему свету, все заплатили за свой чин кровью и беспримерным мужеством, умением и отвагой. Каждый второй охотно согласится командовать семидесятичетырехпушечным кораблем. Хорнблауэр и сейчас помнил, как ликовал два года назад, получив назначение на «Сатерленд». Капитаны на половинном жалованье, портовые капитаны спят и видят вернуться на активную службу. В его власти — изменить судьбу любого из них. Однако он не колебался. Есть капитаны умнее и сообразительнее, но ему нужен один-единственный.

— Я возьму Буша, если возможно, — сказал он.

— Вы его получите, — кивнул Луис. — Я так и думал. Вы полагаете, деревянная нога не будет ему большой помехой?

— Полагаю, что да, — сказал Хорнблауэр. Досадно было бы выйти в море с другим капитаном.

— Очень хорошо, — сказал Луис, поворачиваясь к настенным часам. — Если не возражаете, мы пройдем к Их Важности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хорнблауэр сидел в приватной гостиной таверны «Золотой крест». В камине жарко пылал огонь, на столе горели аж четыре восковые свечи. Всей этой роскошью — приватной гостиной, огнем в камине и восковыми свечами — Хорнблауэр не без стеснения наслаждался. Он всю жизнь бедствовал, всю жизнь экономил — и теперь швырялся деньгами со странным удовольствием, какой-то почти виноватой радостью. Завтра хозяин выпи-

шет ему не меньше полукроны за свет; сальные свечи обошлись бы от силы в два пенса. Шиллинг за дрова. И уж разумеется, трактирщик не упустит случая содрать втридорога с постояльца, который может себе это позволить, — кавалера ордена Бани, прибывшего в коляске с камердинером и двумя лошадьми. Завтрашний счет будет ближе к двум гинеям, чем к одной. Хорнблауэр тронул нагрудный карман, убедился, что толстая пачка фунтовых банкнот на месте. Он может позволить себе тратить по две гинеи в день.

Успокоенный, он склонился над записями, которые сделал за беседой с министром иностранных дел. Записи были отрывочные, перескакивали с темы на тему, как и сам разговор. Даже в министерстве не могли наверняка сказать, будут ли русские воевать с Бонапартом. Нет, не так. Никто не может сказать, будет ли Бонапарт воевать с русскими. Сколько бы царь ни злился на Францию (а, надо думать, обид у него скопилось немало), он не начнет войну, если Бонапарт не нападет первым. Царь предпочтет любые уступки, по крайней мере сейчас, когда пробует реорганизовать армию.

— Трудно представить, чтобы Бони хватило глупости полезть в драку, — говорил Уэлсли, — когда он и так может получить почти все, что пожелает.

Однако на случай войны Британии желательно иметь в Балтике сильную эскадру.

— Если Бонапарт выкинет Александра из России, вам надо будет его подобрать, — заметил между прочим Уэлсли. — Мы всегда найдем ему применение.

Изгнанные монархи были полезны уже тем, что вдохновляли сопротивление в покоренных Бонапартом странах. За последнее время Англия приняла под свое крыло правителей Сицилии и Сардинии, Нидерландов, Португалии и Гессена. Все они помогали поддерживать надежду в сердцах недавних подданных, стонущих под пятой тирана.

— Многое зависит от Швеции, — сказал Уэлсли. — Один Бог знает, что надумает Бернадог. Шведы не могут простить русским отнятой Финляндии. Мы пытаемся убедить их, что из двух зол Бонапарт — худшее. Он — в устье Балтики, а Россия — гораздо дальше. Но и шведам несладко выбирать между Россией и Бонапартом.

Да, узел завязался: Швецией правит кронпринц, который еще три года назад был французским генералом и успел породниться с Бонапартом; Дания и Норвегия в руках тирана, Финляндия завоевана Россией, а южное побережье Балтики наводнили французские войска.

— Его солдаты стоят в Данциге и Штеттине¹, — говорил Уэлсли. — Южнонемецкие силы растянуты до самого Берлина, я уж не говорю о пруссаках, австрияках и прочих союзниках.

Покорив всю Европу, Бонапарт поставил под свои знамена бывших противников; если он решит воевать с Россией, то, сдастся, его армия будет по большей части состоять из иностранцев: итальянцев и немцев, пруссаков и австрияков, голландцев и датчан.

— Мне доносили, что в его армии есть даже испанцы и португальцы, — сообщил Уэлсли. — Надеюсь, прошлая зима в Польше пришлась им по вкусу. Вы ведь говорите по-испански?

— Да, — ответил Хорнблауэр.

— И по-французски?

— Да.

— По-русски?

— Нет.

— По-немецки?

— Нет.

— По-шведски? По-польски? По-литовски?

— Нет.

— Жаль. Впрочем, меня уверяли, что образованные русские говорят на французском лучше, чем на родном, — хотя, судя по тем русским, с которыми мне доводилось общаться, в таком случае с родным языком у них вовсе дело швах. К тому же мы нашли для вас шведского переводчика. Согласуйте с Адмиралтейством, как внести его в судовую роль, — надеюсь, я употребил верное флотское выражение.

Очень в духе Уэлсли — подпустить такого рода шпильку. Он — бывший генерал-губернатор Индии, белая косточка и возвращается в самых высоких сферах. Несколькими словами он показал, что не знает и не желает знать морских словечек, что, как

¹ Данциг и Штеттин — современные Гданьск и Щецин.

человек светский, почитает ниже своего достоинства вникать во флотские материи и с вельможным презрением смотрит на неотесанного морского волка, пусть даже упомянутому морскому волку случилось жениться на его родной сестре. Хорнблауэра это немного задело. Он был все еще достаточно взвинчен, чтобы попытаться в свою очередь уязвить Уэлсли.

— Вы, Ричард, на всем собаку съели, — сказал он спокойно.

Невредно напомнить вельможе, что неотесанный морской волк — его близкий родственник и может обращаться к нему по-свойски, а вдобавок утонченному маркизу должно быть неприятно предположение, что он съел собаку.

— Боюсь, к флоту это не относится, Хорнблауэр. Я так и не сумел запомнить всех этих штирбортов, бакбортов, бейдевиндов¹ и прочего. Их нужно затвердить в детстве, как *hic*, *haec*, *hoc*².

Трудно уязвить железного маркиза; Хорнблауэр отогнал воспоминания об этом эпизоде, чтобы подумать о более жизненных вещах. У русских отличный флот, не меньше десяти линейных кораблей в Ревеле³ и Кронштадте; у шведов почти столько же. Германские и померанские порты кишат французскими каперами, и обязанностью Хорнблауэра будет, в числе прочего, защищать британские торговые суда от морских разбойников, поскольку без торговли со Швецией Англии придется худо. Из Балтики везут все, что нужно для флота, а значит, и для сохранения господства над морем: деготь и скипидар, сосновый мачтовый лес, пеньку и древесину, камедь и ворвань. Если шведы объединятся с Бонапартом против России, из Швеции Англия больше ничего не получит, а это больше половины всего ввозимого. Придется довольствоваться тем, что удастся закупить в Эстонии и Финляндии. На пути этих товаров будет Зунд и шведский заслон, притом что Дания — уже в руках Бонапарта. Россия будет нуждаться в этих припасах для собственного флота, ее придется как-то убеждать, чтобы часть она уделила Британии.

Хорошо хоть Англия не вступилась за Финляндию, когда Россия ввела туда свои войска; в противном случае было бы

¹ См. морской словарь в конце книги.

² Три формы латинского местоимения «этот», синоним долбежки.

³ Ревель — современный Таллин.

куда меньше шансов на союз с Россией против Бонапарта. Дипломатией и угрозами, возможно, удастся удержать Швецию от союза с корсиканцем, сохранить Балтийский торговый путь и доступ к северогерманскому побережью для вылазок против французских коммуникаций. Не исключено, что под таким нажимом и Пруссия перевернется на другую сторону, особенно если каким-то чудом Бонапарт начнет терпеть поражения. Все это входило в задачи Хорнблауэра: убедить Швецию отказаться от застарелой вражды с Россией, а Пруссию — расторгнуть навязанный ей союз с Францией, при этом не повредить балтийской торговле. Неверный шаг погубит все.

Хорнблауэр отложил бумаги и уперся невидящим взглядом в стену. Туман, лед и мели в Балтийском море; русский флот, шведский флот и французские каперы; балтийская торговля, русский союз и позиция Пруссии; высокая политика и жизненная коммерция; в следующие несколько месяцев судьба Европы будет висеть на волоске, и вся ответственность ложится на плечи британского коммодора. Пульс участился, мускулы напряглись, как всегда в предвкушении опасности. Почти год он не испытывал ничего подобного — с того дня, когда входил в большую каюту «Виктории» выслушать приговор трибунала, который мог осудить его на смерть. Ему неприятно было это предчувствие беды, предчувствие непомерной ответственности; не этого он ждал, когда в середине дня с легким сердцем ехал за приказами. И ради этого он оставляет дружбу и любовь Барбары, жизнь сельского помещика, покой и мир новообретенного дома!

Однако даже сейчас, в минуту почти отчаяния, почти обреченности, грядущие задачи мало-помалу раззадоривали его живой ум. Адмиралтейство дало ему полную свободу — тут грех жаловаться. Ревель замерзает в декабре; Кронштадт — и в ноябре. Когда станет лед, ему придется держаться южнее. Замерзает ли Любек? Если так... Не замечая, что делает, Хорнблауэр резко отодвинул стул. Он не мог мыслить продуктивно, сидя за столом, — это было все равно как надолго задержать дыхание. Сравнение было тем более точным, что, вынужденный напрягать мозг в сидячем положении, он испытывал характерные симптомы медленного удушья — давление поднималось, он начинал метаться.

Сегодня ничто не заставляло его сидеть без движения; отодвинув стул, он мог свободно расхаживать взад-вперед по комнате, от стола к окну и обратно — места столько же, а препятствий куда меньше, чем на шканцах иных из его кораблей. Едва Хорнблауэр заходил по комнате, как дверь приоткрылась и в щелку, привлеченный скрипом отодвигаемого стула, заглянул Браун. Ему хватило одного взгляда: капитан принялся мерить шагами комнату, а стало быть, спать скоро не ляжет.

Браун был умный мальчик, направивший всю свою сметку на заботы о капитане. Он тихонько притворил дверь и целых десять минут выжидал, прежде чем снова ее открыть. За десять минут Хорнблауэр вошел в ритм ходьбы, и мысли его устремились в русло, с которого их не так просто было свернуть. Браун, не привлекая к себе внимания, проскользнул в комнату — трудно даже сказать, заметил ли его Хорнблауэр вообще. Соразмеряя свои перемещения с ритмом капитанской ходьбы, Браун добрался до свечей — они уже пыхали и чадили, — снял нагар, перебежал к очагу и подбросил угля в догорающий камин. Потом так же незаметно выскользнул из комнаты и устроился ждать. Как правило, капитан заботился о слуге и не заставлял бы его бодрствовать допоздна, а отпустил бы спать и сказал, что разденется сам. Браун все понимал и поэтому не обижался, что капитан в кои-то веки о нем позабыл.

Взад и вперед ходил Хорнблауэр, ровным, размеренным шагом, поворачиваясь в двух дюймах от подоконника с одной стороны, с другой задевая боком угол стола. Русские и шведы, торговые караваны и каперы, Стокгольм и Данциг — ему было о чем подумать. В Балтийском море холодно, надо позаботиться, чтобы команда не простужалась. И как только соберется эскадра, первым делом проследить, чтобы на каждом судне был надежный сигнальный офицер. Без отлаженного сообщения между судами дисциплина идет прахом, без нее нет смысла продумывать тактику и строить планы. Недостаток бомбардирских кечей состоит в их...

На этом месте Хорнблауэра отвлек стук в дверь.

— Войдите! — рявкнул он недовольно.

Дверь медленно открылась, явив взору Брауна и перепуганного трактирщика в зеленом бязевом переднике.

— Что такое? — буркнул Хорнблауэр. Теперь, когда его шканцевой прогулке помешали, он внезапно почувствовал смер-

тельную усталость: слишком много всего произошло с торжественной встречи нового сквайра Смолбриджа, а тяжесть в ногах говорила, что он порядком находился.

Браун и трактирщик переглянулись. Наконец последний решился открыть рот.

— Видите ли, сэр, — начал он боязливо. — Их милость в номере четвертом, прям под этой гостиной, сэр. Их милость человек крутой, сэр, прошу прощения, сэр. Они говорят — еще раз прошу прощения, сэр, — они говорят, в два часа пополудни поздно вато ходить взад-вперед у них над головой. Они говорят...

— Два часа пополудни? — переспросил Хорнблауэр.

— Ближе к трем, — тактично вмешался Браун.

— Да, сэр, половину пробило, когда их милость вызвали меня во второй раз. Они говорят, лучше бы вы чем-нибудь швырялись или пели. Но слышать, как вы просто ходите взад-вперед, сэр... Их милость говорят, это наводит на мысли о смерти и Страшном суде. Их милость говорят, слишком размеренно. Я сказал им, кто вы, когда их милость позвонили в первый раз. А теперь...

Хорнблауэр окончательно вернулся в реальный мир. Он смотрел на нервно жестикулирующего трактирщика (бедняга оказался между молотом — капитаном сэром Горацио Хорнблауэром — и наковальней — безвестным лордом этажом ниже) и не мог скрыть улыбку; собственно, он даже крепился, чтобы не расхохотаться в открытую. Он легко мог вообразить весь нелепый расклад: неведомый раздражительный пэр звонит в звонок, трактирщик страшится обидеть обоих влиятельных постояльцев, а в довершение Браун до последней секунды упорно не пускает его нарушить хозяйские раздумья. Когда Хорнблауэр улыбнулся, на лицах слуги и трактирщика проступило столь явное облегчение, что, глядя на них, он больше не мог сдерживаться и рассмеялся. Последнее время он был на взводе, и Браун ожидал взрыва, трактирщик же вообще ничего другого не ждал — трактирщики редко видят что-нибудь, кроме вспышек ярости от людей, которым вынуждены обслуживать. Хорнблауэр вспомнил, что только этим утром ни за что ни про что обругал Брауна; но этим утром он не находил себе места, как всякий флотский офицер в деревне, теперь же он коммодор, его ждет

эскадра, и ничто на свете не властно испортить ему настроение, — этого Браун не учел.

— Мое почтение его милости, — сказал Хорнблауэр. — Скажите ему, что Страшный суд отменяется. Браун, я ложусь спать.

Обрадованный трактирщик побежал на нижний этаж, Браун схватил подсвечник — свеча почти догорела — и пошел впереди, освещая хозяину путь в спальню. Хорнблауэр скинул в руки Брауну тяжелый, украшенный золотыми эполетами мундир. Башмаки, рубашка, панталоны — Хорнблауэр натянул роскошную, лежавшую наготове, вышитую ночную сорочку из плотного китайского шелка с мережкой по вороту и рукавам — Барбара специально заказывала ее на Востоке через друзей в Ост-Индской компании. Грелка успела остыть, но от нее под одеялом распространилось приятное тепло; Хорнблауэр юркнул в мягкую благодать.

— Доброй ночи, сэр, — сказал Браун и задул свечу.

Мрак хлынул в комнату из углов, и с ним — тревожные сны. То ли в сновидении, то ли наяву — следующим утром Хорнблауэр не мог понять — мозг до конца ночи перебирал и прокручивал неисчислимые сложности предстоящей кампании в Балтийском море, где его жизнь, репутация и уважение к себе вновь будут поставлены на карту.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Хорнблауэр сел прямее и выглянул в окно кареты.

— Ветер поворачивает к северу, — сказал он. — Вест-тень-норд, полагаю.

— Да, дорогой, — терпеливо отозвалась Барбара.

— Извини, дорогая, — спохватился Хорнблауэр, — я тебя перебил. Ты говорила про мои рубашки.

— Нет. Про них я уже закончила. Я говорила, чтобы ты до холодов не разрешал распаковывать плоский сундук. Там овечья шуба и плащ на меху. Они пересыпаны камфарой, от моли. Когда поднимешься на борт, сразу вели отнести этот сундук в трюм.

— Да, дорогая.

СОДЕРЖАНИЕ

Коммодор. <i>Роман</i>	5
Хорнблауэр и его величество. <i>Рассказ</i>	249
Лорд Хорнблауэр. <i>Роман</i>	263
Адмирал Хорнблауэр в Вест-Индии. <i>Роман</i>	461
Последняя встреча. <i>Рассказ</i>	709
Хорнблауэр и кризис. <i>Незаконченный роман</i>	721
Краткий морской словарь	801
Таблица перевода мер	811
<i>Е. Доброхотова-Майкова</i> . Послесловие	812

Форестер С. С.

Ф 79 Адмирал Хорнблауэр. Последняя встреча : романы, рассказы / Сесил Скотт Форестер ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 832 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-21185-8

Сага об офицере королевского флота Великобритании Горацио Хорнблауэре, прошедшем славный и трудный путь от простого мичмана до лорда и адмирала, — уникальное явление в мировой историко-авантюрной литературе. Миллионный круг почитателей, бесконечные тиражи, поистине мировое признание, выведшее писателя в классики жанра, кино- и телеверсии с участием таких известных актеров, как Грегори Пек, Кристофер Ли, и других звезд мирового кинематографа.

Автор саги, Сесил Скотт Форестер, говорил о своем герое: «Он доставил мне бесчисленных друзей по всему миру. Таможенники читают мою фамилию и пропускают мой багаж, не досматривая. Он свел меня с адмиралами и принцессами, и я благодарен ему, честное слово, хотя и думаю часто, что лучше б ему этого не делать». Не каждому писателю настолько повезло с персонажем.

Сага о Горацио Хорнблауэре оставила заметный литературный след. Книжный сериал Бернарда Корнуэлла о стрелке Шарпе создавался под влиянием Форестера. Патрик О'Брайен, отталкиваясь от книг знаменитой саги, написал многотомную эпопею о капитане Обри. Даже Гарри Гаррисон спародировал по-доброму образ героя Форестера в одном из своих рассказов («Капитан Гонарио Харпшлейер»).

Книга завершает повествование о морских подвигах Горацио Хорнблауэра — личности, которая, по словам Уинстона Черчилля, «вызывает из прошлого великий и суровый образ королевского флота в эпоху его славы».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР
АДМИРАЛ ХОРНБЛАУЭР
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Майя Лахути
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.06.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-88Н-30117-01-R